

Типы диалогических отношений между национальными литературами как предмет компаративистики

В. Р. АМИНЕВА

(КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Устанавливаются типы диалогических отношений между русской литературой XIX в. и татарской прозой первой трети XX в., которые оказываются существенными для представления о каждой из литератур как о сложно построенной и внутренне связанной целостности, а также о формах межлитературного процесса.

Ключевые слова: диалог, «свое», «чужое», национальная литература, «контекст понимания».

Types of Dialogical Relations between National Literatures as a Subject of Comparative Literature

V. R. AMINEVA

(KAZAN STATE UNIVERSITY)

The types of dialogical relations between the Russian literature of the XIX century and the Tatar prose of the first third of the XX century are ascertained. They are turned out to be essential for representation of each of the literatures as a composite and intrinsic integrity and also for defining forms of inter-literary process.

Keywords: dialogue, «one's own», «another's», national literature, «context of understanding».

В работе «К методологии гуманитарных наук» М. М. Бахтин, поставив проблему «контекстов понимания» и разграничив малое время современности и большое время, «близкий» и «далекий» контексты, пишет о нескончаемом обновлении смыслов во все новых контекстах. В качестве такого «контекста понимания» русской литературы XIX в. в нашем исследовании выступает татарская проза первой трети XX в., остающаяся вне интересующих нас текстов, но являющаяся своеобразным диалогизирующим фоном их восприятия. При этом позиция «внезаходности» одной литературы по отношению к другой дает возможность иного, нового ее видения, недоступного взгляду «изнутри», позиции самонаблюдения.

Принципиально иная ситуация складывается применительно к татарской литературе указанного периода: русская классика XIX в. осознается ею как такой же «полноправный субъект», реальный и конкретный «другой» (по терминологии М. М. Бахтина), участву-

ющий в концептуализации своего слова о мире и человеке. Высказывание строится не как целое одного сознания, художественного сознания данной национальной литературы, а как диалог, в данном случае содержательно и структурно обязательный, разных равноправных сознаний, осуществляемый на уровне корпуса текстов, осмысленных как целое.

Потребность самоопределения «я» среди «других» реализуется через различные виды отношений «своего» и «чужого». Из всего многообразия диалогических отношений, которые устанавливаются между русской литературой XIX в. и татарской прозой первой трети XX в., наиболее значимы следующие их виды: «свое», противопоставленное «чужому», «свое», полемизирующее с «чужим», «свое» как переструктурированное «чужое», «свое», сходное с «чужим».

Механизмы формирования диалогичности первого типа объясняют лежащие в основании рассматриваемых культур системобразующие связи, а именно: «процедуры»

* Аминева Венера Рудалевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Тел.: (843) 544-15-24. Эл. адрес: amineva1000@list.ru

порождения смысла, логико-семантические отношения, сообщающие системный характер текстам, создаваемым в рамках той или иной традиции. Данный тип диалогических отношений проявляется на уровне «оснований рациональности» (А. В. Смирнов) двух культур. Установлено, что родо-видовой организации смысловых единиц, доминантно присутствующей в европейской культуре, противопоставлен комплекс базовых представлений о выстраивании смысла, который сложился на арабо-мусульманском Востоке: фундаментальная и универсально признаваемая теория «указания на смысл» требует, как доказывает А. В. Смирнов, не абстрагирующего очищения от специфицирующих признаков, а перехода от отдельных явлений к той области, которая лежит вне их и в которой они совпадают (Смирнов, 2001: 308–309).

«Процедуры» смыслопорождения определяют характер соотношения формы и содержания, организацию речевого материала, сюжетный план произведений, принципы построения художественного образа и т. д. В произведениях Ш. Камала, Г. Исхаки, Г. Ибрагимова и др. создается характерная для романного дискурса экзистенциальная картина мира как центрированная вокруг «я» героя система обстоятельств личностного присутствия в жизнепроцессе бытия. Но коммуникативная стратегия данного типа дискурса для реципиента, воспитанного на традициях русской, западноевропейских литератур, определяется жанром притчи. Окружающая человека действительность осваивается как неупорядоченная и непредсказуемая стихия жизни и одновременно как мир, в котором — в конечном счете — все происходит так, как должно было произойти. Эти способы изображения и оценки разделены иерархически: в ситуациях частной жизни человека просматриваются закономерности «высшего» миропорядка. «Подтвержденность» указания на смысл достигается с помощью разнообразных приемов метафорической и символической эквивалентности и параллелизма, особой организацией текста, при которой определенные эпизоды предваряют последующие

события посредством символов, жестов, поэтических тропов; по ассоциативному принципу сцепляются элементы внутренней речи и чужие голоса, пластические композиции и обрывки воспоминаний, провиденциальные мотивы и бытовые реалии. Характерная для притчи коммуникативная стратегия, в которой проявляется описанная логика смыслопорождения, актуальна для татарской литературы рассматриваемого периода и соответствует характерным для данного типа культуры традициям воспитания — адаба.

«Пространство» диалога с рассматриваемой традицией выдвигает в русской литературе XIX в. в качестве конститутивных иные жанровые признаки и порождающие их процессы смыслообразования. В произведениях русских писателей эстетической доминантой является сюжет, описательные элементы подчинены его задачам и вторичны по отношению к повествованию; преобладают нарративные структуры, как правило чуждые риторике учительного, императивного, монологизированного слова. Подчеркнем, что речь идет лишь о преобладающих признаках: в отдельные эпохи, в различных стилях и направлениях русская и татарская литературы в этом измерении не раз менялись местами. Но для произведений Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. характерны скорее поиски «авторитетного», «неоспоримого» слова и коммуникативные стратегии, этим поискам соответствующие, но не определяющие собой всей «парадигмы иницируемого автором коммуникативного события» (Тюпа, 2001: 11). Наличие символического параллелизма, при котором содержание совпадает с формой его выражения, лишь один из элементов поэтики данных текстов, наиболее очевидно проявляющийся на уровне ономастики, цветовой образности, символики чисел и др. С этими аспектами художественного мира произведений связаны семантические поля, которые придают образной системе экспрессивную синкретичность, универсальную многозначность и способность к органическому сочетанию конкретно-историче-

ского и метафизического, вечного и преходящего, единичного и универсального и т. д., указывают на многомерность мира.

Противопоставленность «я» «другому» обнаруживается и в том типе отношений, который устанавливается между субъектом и объектом, человеком и миром. Эпистемологические процессы, обусловленные характерными для человека восточного типа культуры чертами отношения к миру, порождают сопоставительные (конъюнктивные) отношения, которые проявляются в стремлении личности к уступке, к отказу от сугубой субъектности — готовности принести в жертву личный интерес, объединив себя с другими посредством молитвы, подчинения старшим, смирения, послушания. Все эти формы субъектности субъекта возводятся в степень безусловно позитивных этических ценностей. Однако в художественном мире произведений татарских писателей первой трети XX в. обнаруживается их несостоятельность. Описанному культуропорождающему принципу противостоит другой, связанный с социальными и историческими условиями рубежа веков: распадом прежнего уклада жизни, переоценкой веками сложившихся морально-этических норм. В татарской национальной культуре начинают действовать логико-семантические отношения, разрушающие состояние согласованности, непротиворечивости, неразрывности. Данная логико-смысловая программа концептуализирует универсальную оппозицию «мир — человек» в произведениях Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Г. Исхаки, Ш. Камала, М. Гафури и др. Ситуация перехода от одной эпохи к другой, исторического обновления мира предстает таким его состоянием, как распад былого общественного единства, разрыв между природой и человеком, материей и духом, небом и землей и т. д. Писатели рисуют кризисное состояние современного им общества, социальных, нравственных, идейных его оснований и тот раскол, разъединение, взаимное непонимание, которыми этот кризис сопровождается.

В художественно-эстетическом аспекте такое самосознание реализовалось в уста-

новке на фрагментарность композиции, антитетичность как определяющее отношение создаваемого смыслового мира, соединение реалистической достоверности с условно-символической обобщенностью. Рост духовного самосознания личности и обострение ее противоречий со средой, обществом, миром предстает как закономерность современной жизни, определившая характер действия в произведениях этого периода, его напряженную динамику, насыщенность драматическими коллизиями, связанными между собой в целую систему. Но монологическая сосредоточенность героев на своих переживаниях, эмоциональном самосознании и самоопределении противопоставлена динамической конфликтной модели характера, активности событийных и диалогических рядов, определяющих специфику концепции драматического в произведениях русских писателей второй половины XIX в. Итак, противопоставляя себя «другому», литература выдвигает на первый план структурно-семантические комплексы и эстетические конструкции, в которых манифестируется ее уникальность и самобытность, причастность бытию «единственным и неповторимым образом» (Бахтин, 1986: 112).

Концептуальность «своего» слова о мире и человеке обеспечивается не только его противопоставленностью «чужому», но и полемической соотнесенностью с ним. Этот тип диалогических отношений актуализирует региональную специфику художественных текстов, то, что определяет их включенность в пространство европейской или восточной культур.

Центральной для русского реализма XIX в. проблеме детерминизма, обусловленности поведения и сознания героев различными обстоятельствами, будь то идея, культурные коды или социальная «микросреда», окружающая человека, в произведениях татарских писателей соответствует представленность героев в их художественной безусловности. Человек трансцендентен в своей духовной сущности и есть то, что он есть, и никакие определяющие факторы ничего в нем не

объясняют. В произведениях Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Г. Исхаки, Ш. Камала, Г. Рахима и др. формируется картина мира, в которой не существует рубежа, разделяющего причинную и следственную области. Описанные события мыслятся как самозарождающиеся: они не несут информации о силах, которые вызывают их к жизни.

Контекст татарской прозы первой трети XX столетия актуализирует в ключевых текстах русской национальной культуры — произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. — гносеологическое пространство, связанное с вопросами познания и выражения различных форм детерминаций. Классический русский реализм, осваивая фактическую реальность общественной и частной жизни людей и в то же время выходя за пределы этой реальности, по словам В. М. Марковича, к «последним» сущностям общества, истории, человечества, вселенной (Маркович, 1993: 28), устремлен к постижению детерминированности происходящего — социальной, психологической, антропологической, культурологической и любой другой. Категория сверхъестественного, которая входит в кругозор русских реалистов-классиков, различные формы постижения запредельных реальностей, встречающиеся в произведениях русских писателей, предполагают и условно-поэтическое, и субстанциональное прочтение, эксплицируя вероятностно-множественную модель мира.

В творческом методе татарских прозаиков рассматриваемого периода отчетливее эксплицированы те моменты, которые в свернутом виде присутствуют в текстах русских реалистов XIX в. и представляют собой отношения смысловых пределов и возможных языков (прямого называния предметов, условно-поэтического изображения, «мифологического» слова). Но в произведениях Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Г. Исхаки, Ш. Камала и др. трансцендентный мир требует не просто условно-поэтического, но субстанционального понимания. Мотивировочные категории, принадлежащие разным

смысловым рядам и находящиеся в русском классическом романе в драматическом единстве, взаимосвязи, взаимодействии, в творчестве данных авторов освобождены для самостоятельного существования и поставлены в подчинительные отношения.

Тот тип целостности, который возникает в татарской прозе первой трети XX в., предполагает взаимообусловленность трансцендентного и субстанционального и оказывается полемичным по отношению к порождающему принципу классического русского романа XIX в. Архитектоника межсубъектных отношений выстраивается следующим образом: с интенцией «иносказательных сверхсмыслов» соотносится трансцендентное, стремящееся обрести субстанциональность; действие причинно-следственной логики сопоставляется с провиденциально-вероятностными совпадениями и отношениями.

Третий вид диалогических отношений («свое» как переструктурированное «чужое») выявляется при сопоставлении форм и способов психологического изображения в русской и татарской литературах. Используемые татарскими писателями принципы и приемы аналитического объяснения психологических процессов и состояний, нашедшие классическое выражение в творчестве Л. Толстого, выявляют особые качества человека, вновь и вновь оказывающегося в ситуации выбора, живущего в мире, где нет ничего предрешенного раз и навсегда, нет запрограммированного неизменного хода бытия. Таким образом, актуализируется культура поиска, выводящая себя за свои собственные пределы, культура открытых возможностей.

Данный вид диалогических отношений осуществляет своеобразное взаимоналожение семантических полей «своего» и «чужого» художественно-эстетического опыта. «Чужая» словесная позиция, трансформируясь в «иную», становится одним из кодов в данной художественной системе, без знания которого невозможно ее адекватное восприятие и понимание. Чужая/иная словесная практика выступает как план выражения для нового содержания — внутренне-

го мира человека, принадлежащего иному типу культуры. Возникающие при этом добавочные ассоциации увеличивают семантическую емкость «исходных», осваиваемых моделей и структур. Контекст иной литературы раскрывает их архетипичность, способность порождать новые смыслы. В способности «я» воспринять точку зрения «другого», перейти на его позицию заложена возможность универсализации воспринятых смыслов, открытие в них метатекстуальных и интертекстуальных интенций.

Художественные тексты, создаваемые русскими и татарскими писателями, некоторым образом корреспондируют между собой, образуя семантически родственные высказывания о мире. Тип отношений «свое», сходное с «чужим» позволяет осмыслить обширный и неоднородный как в синхронном, так и диахронном плане корпус текстов, принадлежащих разным национально-культурным традициям, с точки зрения их общности, как выражающих единую диахроническую программу.

Например, своеобразный параллелизм между произведениями русских и татарских писателей изучаемого периода устанавливает такая форма художественно-психологической характеристики персонажа, как изображение снов и видений, выполняющих в произведениях Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Г. Ибрагимова, Г. Исхаки сходную функцию. Но если сны героев Толстого и Достоевского оказываются пророческими прежде всего в силу особенностей психологического склада их характера, эмоционального содержания личности, то в произведениях татарских писателей прогностическая функция снов связана с идеей предопределенности судьбы человека, восходящей к религиозному учению — теологическому фатализму. Качественно разнородное воплощение инобытийной сферы тем не менее позволяет выявить сходные черты в творческом методе русских и татарских писателей, стремящихся в данном случае к синтетическому и универсальному воспроизведению действительности, к мифологическому удво-

ению и сакральному углублению мира, сопрягающих единичное и всеобщее, эмпирическое и метафизическое, феноменальное и абсолютное.

В «точке» диалогического контакта текстов, принадлежащих разным национальным литературам, рождается смысл, который требует не формально-логической и содержательной трактовки, актуализирующих его внутреннюю неоднородность, но функционального толкования, раскрывающего его роль в формировании сходной для сопоставляемых текстов целеустановки. Основной эффект этого типа диалогических отношений — подчеркивание соотнесенности двух целостных национальных художественных систем и интересубъективная заданность переживаемого смысла.

Диалог, устанавливающийся между художественными текстами, принадлежащими разным национальным традициям, оказывается существенным для представления о каждой из литератур как о сложно построенной и внутренне связанной целостности, а также о формах межлитературного процесса, систематизация которых возможна на основе не только сходства рассматриваемых феноменов, но и их различий, признания самобытности, неповторимости и уникальности сопоставляемых литератур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин, М. М. (1986) К философии поступка // Философия и социология науки и техники : ежегодник. 1984–1985. М. : Наука.

Маркович, В. М. (1993) Вопрос о литературных направлениях и построение истории русской литературы XIX века // Известия РАН. Отд. литературы и языка. № 3. С. 26–32.

Смирнов, А. В. (2001) Номинальность и содержательность: почему не критическое исследование «универсалий культуры» грозит заблуждением // Универсалии восточных культур. М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН. С. 290–317.

Тюпа, В. И. (2001) Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архирей» А. П. Чехова). Тверь : Твер. гос. ун-т.